

Автобусная остановка трясётся и дребезжит, словно под ударами огромных градин. И снаружи, и внутри хлипкой металлической конструкции краска давно облупилась, уцелели только отдельные островки. Когда-то они были болотно-зелёными. В такой неприятный цвет во времена моего детства красили подъезды домов и остановки общественного транспорта.

Я решаюсь выглянуть из-под навеса. Солнца не видно. Тусклый свет трудно назвать дневным. На небе ни облачка. И на крыше никого, вернее, кто-то невидимый непрерывно лупит по ней изо всех сил. Шарах — и жирная многолетняя пыль сыплется на меня, окатывая с головы до ног запахами тлена и птичьего помёта.

Но нет, это не пыль, это высохшие мухи — миллионы шуршащих дурно пахнущих трупов. В ужасе перебегаю дорогу, сворачиваю направо в ближайший переулок — и вот он, дом! Я на Москве. Не в стольном граде. Москвой здесь именуется район между старым центром и новыми микрорайонами. Это Актюбинск — тот самый, где я знаю каждый

камешек и всякая травинка меня помнит, и в то же время другой: иномирный и запредельный.

Перед домом я оказываюсь неправдоподобно сразу. Металлические ворота окрашены в ту же краску, что и автобусная остановка. И выглядят похоже. Ворота со скрипом открываются. Делаю шаг во двор. Дорожка, ведущая к дому, залита поверх асфальта живою жижей. Грязь похожа на шкуру беспородного пса и переливается разными цветами от угольно-асфальтового, до ваксового чёрного. Вся эта масса непрерывно и беспорядочно двигается, с любопытством ощупывая мир вокруг. Тупо смотрю, как она обволакивает мои коричневые комнатные тапочки. Присо-савшись к подмёткам, грязь смачно чавкает, и тапочки исчезают. Затем она обнимает за щиколотки мои теперь уже босые ноги. Словно пёс, принюхивается, но скоро теряет интерес и пропускает меня к дому.

Взбегаю на высокое деревянное крыльцо. Оглядываюсь. Вокруг пусто. Во дворе только грязь. Похоже, она-то всё и со-жрала: и деревья, и скамью, и колонку, из которой воду набирали, и вот уже за крыльцо принимается — жадные шершавые языки её медленно вползают вслед за мной по ступеням...

В доме полумрак, зябко. Из глубины комнат доносится едва различимый шум — жужжит прялка, постукивает веретено, ножницы лязгают и тихо переговариваются девушки. Голоса кажутся знакомыми. Неужто подруги мои Катя Пряхина, Лара Лахтинá и Айсу́ Кудайбергенова посиделки устроили? Любят они рукодельничать. Хозяйка дома и пятничных наших посиделок — Катя. Ей от бабушки настоящие веретено и прялка достались. Я-то просто пообщаться прихожу, а девочки лучшие в округе пуховые платки вяжут. У меня тоже паутинка их работы имеется...

Предвкушая радость от встречи, торопливо вхожу. Прекрасные молодые незнакомки оборачиваются ко мне. Но это не мои приятельницы. Глаза строгие, лица мрачные. Не успеваю удивиться, моргаю — их нет, а в гостиной пусто. Чу, привиделось!..

Но в доме всё-таки кто-то есть. На кухне звенит посуда. Иду на кухню.

— О! — вскрикивает при виде меня одна из трёх хозяйничающих у плиты старух. — А где Серёжа? Сегодня его день!..

Две её товарки премерзко хихикают.

— И кого мы ему приносить будем? — говорит курносая розовощёкая бабуса, закутанная в когда-то розовый плед.

— Серёжин день! — уверенно отвечает орудующая ухватом старуха, похоже, старшая и по возрасту, и по рангу.

Она ловко один за другим отправляет горшки в печь.

— А эта нам на что? — вставляет младшая, лысеющая брюнетка в синем, перемазанном сажей сарафане.

Все замолкают. Смотрят на меня.

— Серёжа в больнице, — говорю я, — он не сбил котёнка, но машина свалилась в канаву и взорвалась, а Серёжу вытащили...

Сама не понимаю, что говорю. Какой котёнок? Серёжа какой?!..

— Бакс! Бакс, Ба-акс, кыс... это он, мой котёночек, — бормочет розовощёкая.

— Да-да, — вторит ей брюнетка, — Серёжа добрый. Ужас какой добрый, но безответственный. Не сегодня придёт...

Все трое внимательно смотрят на меня.

— Значит, ты!.. — выдыхают в один голос — О чём просишь?..

Старшая прислоняет ухват к стене, подходит к столу.

«Ширк-ширк, ширк-шурк, — слышится скрежет металла о камень, — ширк-шурк...» И варево в горшках громко булькает.

Брюнетка наливает в грязный гранёный стакан мутную серую жидкость. Розовощёкая глаз с меня не сводит. Мне жутко, и, чтобы обмануть их бдительность, я вру:

— Избавьте, заберите, чтобы больно не было, чтобы не жгло... Хочу, чтобы ничто больше меня не тревожило!

Скрежет и бульканье неожиданно стихают. Все три хозяйки заинтересованно и почти дружелюбно смотрят на меня. Старшая держит в левой руке длинный изогнутый серпом нож. Брюнетка протягивает мне стакан:

— Тогда пей!

Я беру стакан. Из него вылетает муха, жужжит, трещет десятками крылышек. И не муха это вовсе — паук с длинными, как у водомерки, конечностями. Ножек много. Они удлиняются, и сам паук растёт, занимая всё бóльшую часть комнаты. Из сердцевины его появляется на тонком канатике рыжая голова мальчика: рот улыбается, а мутно-белёные глаза злобой сочатся. Старухи замерли. И оказывается, что от них к чудовищу тоже канатики тянутся. У каждой из центра груди тонкий серебряный канатец выходит и в паучьих глубинах теряется. «Марионетки!» — догадываюсь я.

Паук взлетает к потолку, высокому и куполообразному, как в храме, и тянет старух за собою. Висят они тряпичными куклами, беспомощно руки раскинули.

Уходить надо! Я бросаю стакан, он разбивается. Мелкие осколки впиваются в мои босые ноги. Жидкость, выплеснувшись из стакана, не проливается на пол — не успевает. Паук мгновенно засасывает её розовым хоботком, в который превращаются губы рыжего мальчика. И вдруг чудовище мельчает. Садится на стол. Я хватаю тапочек, который услужливо выплёвывает из себя грязь. Оказывается, она и здесь повсюду: и на полу, и на столе, и на стенах. Шлёп! Чудовище растекается по столу и сливается с грязью...

...Болят израненные осколками битого стекла ноги. Болит всё тело. Холодно. Я открываю глаза. Надо мной склонилось лицо. Расплывчатые черты яснее. Живое лицо! Молодая медсестра улыбается.

— Слава Богу! — говорит она. — Вы очнулись.

— А Серёжа? Где Серёжа?

— Да вот он, рядом. Спит. Я ему только что укол сделала. Повезло вам. После такой аварии обычно не выживают.

...Успокоенная и счастливая, открываю глаза. Я у себя в квартире в Москве. Мелодично попискивает мобильный. За окном светает. Утро понедельника. На работу пора. Три кошачьих клубка — Бакс, Мура и Малта — свернулись в ногах. Муж сладко посапывает и причмокивает во сне. Но зовут его не Серёжа. Никакого Серёжи у меня никогда и в помине не было...